

Черная немочь, повесть М. Погодина

М. 1829, в т. Семена Селивановского, 114 стр. in 12.

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/kspolev.htm>

С некоторого времени у нас начали появляться опыты повестей русских. Рассмотрим сию новую замечательную отрасль нашей словесности.

Неоспоримо, что всякий век имеет свою литературу. Эту мысль должны мы принять основанием наших суждений, ибо она покажет нам, до какой степени истинно или ложно нынешнее направление нашей *повествовательной* словесности. Век имеет свои потребности, выражающиеся всего яснее в литературе, которую Бональд справедливо называет выражением общества. В наше время русские должны были наконец утомиться подражательностью, ибо, надобно признаться, она была доведена у нас до последней степени. Но в чем состоят новые требования настоящего времени? И общество наше, и литература были доньше настроены по французскому камертону. У них Прево со своими романами, у нас Елагин с "Маркизом Г***"; у них любимый романист Авг. Лафонтен, и у нас тоже; у них *историческая* мадам Жанлис, у нас переводы всех ее романов; наконец, французы в восторге от В. Скотта, мы тоже *перетолмачили* почти все его романы -- и вот вам эпоха и потребность вальтер-скоттствовать! Очерк сей краток, но верен. Тот весьма ошибется, кто подумает, что в настоящее время у нас есть во мнениях что-нибудь свое, самобытное. Правда, есть в некоторых русских душах, образованных особенными обстоятельствами, потребность в народной литературе и в исторических русских романах, но она еще не пробуждена в обществе нашем, безотчетно повинующемся первому чтению, как провинциальный помещик, для которого хороша каждая книга, привезенная кочующим суздалом, вместе с лентами, сельдями, одеколоном и другим заморским товаром.

Посему несправедливо полагают некоторые, что мы свергли иго французских мнений. Где нет самобытности, там должно господствовать чуждое. В литературе мы еще долго будем слушаться французов и следовать за их стремлениями, как невозрастные ученики повинуются правилам отставного, долго повелевавшего ими дядьки. Но что заставило нас обратиться к русским повестям? Странно, но должно признаться, что и здесь виною подражание, и потому-то новое стремление наше, будучи влиянием чуждым, не самородным, пришедшим извне, опять заставляет нас повиноваться себе безотчетно. Для проверки сего мнения надобно оглянуться назад, дабы увидеть, что еще за десять лет у нас никто не думал, чтобы русский быт имел свои стороны, достойные пиитического воззрения. Опытов Карамзина нельзя назвать русскими, ибо они только написаны русским языком. Короче: новое побуждение началось с тех пор, как мы познакомились с В. Скоттом. Его успех, занимательность его произведений и нечто новое в искусстве обратили на себя внимание русских писателей. Они искали причин занимательности, заключающейся в романах В. Скотта, и думали найти их в народности и в миниатюрном изображении подробностей,

господствующих в его романах. Обратив сей взгляд на русский быт, романисты наши увидели, что и у нас есть свои местности, свои события, свои присказки и поговорки: их вывели на сцену, и так образовалось понятие о повестях русских, а может быть, и романах.

ПОЛЕВОЙ К.А. ЧЕРНАЯ НЕМОЧЬ, ПОВЕСТЬ М.ПОГОДИНА

Кто вникнет надлежащим образом в теорию сего нового в нашей словесности рода, тот согласится, что мы изобразили ее верно. Чтобы показать ложность сей теории, мы должны сказать несколько слов о романах В. Скотта, породивших оную и, следственно, бывших причиною заблуждения наших писателей.

В наш век, когда умы и действия людей, обращенные на удовлетворение своекорыстных потребностей, особенно отличаются мелкостию и пошлостию, унижающими высокую природу человека, поэт столь сильный, как В. Скотт, мог понять, что роман должно вывести из круга обыкновенных, современных событий и перенести в область истории. В. Скотт не везде остался верен сему направлению, однако ж почти каждый из его романов привязан к какому-нибудь историческому событию, и основная мысль его в сем роде созданий показывает творческий гений; но это не мешает нам видеть слабые стороны сего знаменитого писателя. Он часто бывает до утомительности растянут в описаниях мелочных подробностей; завязка в его романах не всегда удовлетворительна, и, наконец, чтС мы почитаем главным, у него в романе никогда не господствует высокая, так сказать, нравственная мысль, какую мы находим, например, в "Дон Кихоте" Сервантеса, достигнувшего всей высоты искусства в своем бессмертном создании. От сего главного недостатка В. Скотт вообще не глубок в изображении характеров, не способен